

DOI 10.18522/2415-8852-2026-1-7-20

**«КТО ЖЕ У НАС НА РУСИ СЕБЯ НАПОЛЕОНОМ
ТЕПЕРЬ НЕ СЧИТАЕТ?»**

Николай Подсокорский – литературовед, литературный критик, историк культуры, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН.

В этом номере Р&I Николай Подсокорский рассказывает о недуге современной историографии, тюфяке семьи Бонапарте и герое Достоевского Джейме Ланнистере. Беседовала Екатерина Максимова.

Николай, тема нашего номера – **Нэхо прошлого – созвучна вашим научным интересам. Вы ведь занимаетесь тем, как история представлена в русской классической литературе.**

Да, большей частью в творчестве Достоевского. А если еще детальнее – тем, как представлен наполеоновский миф в литературе.

Как получилось, что вы работаете на стыке наук? И что в вашей жизни было первым – литература или история? С чего начали читать?

Я изначально хотел изучать Древнюю Русь – для новгородца такой интерес естественен: у нас ежегодно проходят археологические раскопки, находят берестяные грамоты, да и вообще Великий Новгород – место историческое. Так что с самого начала меня очень привлекала история. В детстве моими настольными книгами были «История государства Российского» Карамзина в кратком изложении, тома «Римляне», «Греки», «Викинги» из исторической серии для детей издательства «Росмэн». Мне очень нравились исторические романы о монголах Василия Яна и Исаея Калашникова – книгу последнего «Жестокий век» про Чингисхана я до сих пор люблю. Но когда я поступал на исторический факультет Новгородского университета, я уже занимался Достоевским, интерес к ко-

торому во многом пробудили проходящие в Старой Руссе юношеские чтения, проводимые Татьяной Касаткиной. Сейчас это одна из наиболее значимых конференций, посвященных изучению творчества Достоевского, в России. Свой диплом на историческом факультете я писал уже на стыке истории и филологии, и посвящен он был Достоевскому – я рассматривал в нем произведения Достоевского как исторический источник для изучения идей XIX века, наполеоновского мифа в том числе. В итоге в аспирантуру я пошел уже на филологический факультет, и с тех пор так и работаю – балансируя между историей, культурологией и филологией.

Почему наполеоновский миф?

Потому что через него просвечивает вся мировая история, вся мировая культура. Наполеон – это такая метафизическая, метаисторическая фигура, которая подводит итог прошлым тысячелетиям. В нем видели нового Цезаря, нового Александра Македонского, нового Карла Великого. Словом, гения, при этом жившего не в какие-то мифические времена, а живого, реального человека, способного совершить невозможное. Наверное, привлекает именно этот выход из обыденности, идея, что человек – нечто большее, чем мы привыкли о нем думать. Наполеоном сложно не увлечься. Им вдохновлялись многие писатели и поэты – от Гёте до Цветаевой.

Булат Окуджава написал роман «Свидание с Бонапартом» и считал его своей лучшей книгой.

С Достоевским сложнее.

Да, Достоевский не сразу меня очаровал. Так получилось, что первый текст Достоевского я прочитал, кажется, в седьмом классе, это был «Крокодил», сатирический рассказ, написанный точно не для детей. Потом были «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот». Помню, тогда меня поразило большое количество сцен насилия, высокая плотность смертей, которые мы не всегда замечаем. В «Преступлении и наказании» случайная прохожая идет топиться – зачем? Зачем в художественном тексте такое сгущение мрака и беды? Так я думал. Время тогда, в девяностые, было не самое светлое, казалось, литература должна давать какое-то отдохновение от тотального кошмара вокруг, а не погружать в еще большую тьму. Но потом я поехал в Старую Руссу на чтения, посвященные роману «Братья Карамазовы». Когда я читал этот роман, у меня в это же время в соседней комнате умирал от рака старший брат, и вдруг я ощутил, что книга начинает со мной говорить языком окружающей действительности. То, что описано в житии старца Зосимы, когда он рассказывает о том, как умирал его старший брат Маркел, было очень похоже на то,

что я слышал от своего умирающего брата. Меня настолько это поразило, что я вдруг понял, что читаю не просто роман, не просто книгу и не просто литературу. Это оказалось для меня настоящим «трансформирующим текстом», по точному определению Татьяны Александровны Касаткиной. Я читал потом в сопроводительных статьях к роману отзывы первых читателей «Братьев Карамазовых», и один из них звучал примерно так: после чтения книги я вышел на улицу и не мог понять, почему весь мир не изменился. Любопытно, когда в конце XIX века Достоевского начали переводить на Западе, одна из основных претензий заключалась в том, что «это не литература», потому что литература либо развлекает, либо обогащает ум какими-то идеями, а здесь непосредственно с самим человеком происходит что-то совсем другое. И то, что романы Достоевского называют «Великим Пятикнижием», разве не означает, что эти тексты выполняют в нашей культуре особую функцию? Функцию Священного Писания, что особенно ценно в обществе, которое Священное Писание либо не читало, либо забыло.

В итоге Достоевский и Наполеон для меня как-то стихийно объединились. Кстати, Достоевский родился в год смерти Наполеона. И практически во всех произведениях Достоевского – от самых ранних до «Братьев Карамазовых» – фигура Наполеона, его миф присутствуют в разном виде.

Насколько точно, на взгляд историка, прочитан Достоевский? Часто вам приходится сталкиваться с искажениями, ложными трактовками исторических фактов в работах о писателе?

Сейчас я готовлю книгу о всемирной истории в творчестве Достоевского, и в ней я как раз пересматриваю ряд ставших привычными трактовок. Скажем, в повести «Село Степанчиково и его обитатели», написанной в 1859 году (это одна из первых вещей Достоевского, изданных им после возвращения с каторги) есть персонаж Фома Опискин – такой графоман, самодур, шут, приживальщик. И вот рассказчик повести сообщает, что после смерти этого Опискина было найдено написанное им начало исторического романа о Новгороде VII столетия. Во всех комментариях, в том числе в академическом Полном собрании сочинений, мы читаем, что этот факт подчеркивает завиральность героя, псевдоисторичность его романа, потому что все знают, что Новгород возник в IX веке, называют даже 859-й год в качестве первого упоминания. Но ведь мы должны давать оценки подобным сочинениям в контексте времени их создания. Если мы посмотрим на исторические сочинения XVIII – начала XIX века, то увидим, что тогда консенсусным было мнение, что Новгород возник не позднее V века. Была целая историографическая

традиция, повествующая о новгородских правителях до пришествия варягов, последним из этих легендарных вождей назывался Гостомысл. В общем, если ее учитывать, получается, что идея романа Фомы Опискина вовсе не такая уж и псевдоисторическая, а вполне соответствует духу времени.

Как правило, круг наших знаний о том, что читали писатели эпохи Достоевского, крайне ограничен. Думаю, по пальцам можно пересчитать тех специалистов, которые основательно читали подборки толстых литературных журналов того времени: «Отечественных записок», «Современника», «Библиотеки для чтения» и проч. В случае с Достоевским это принципиально важно, поскольку, как подметил Бем, он не только великий писатель, но и великий читатель. Всякий раз поражаешься широте и грандиозности его кругозора. Я люблю приводить из его биографии один факт. Живя в 1868 году за границей и работая над романом «Идиот», Достоевский в письме к 21-летней Софье Ивановой, своей любимой племяннице и молодой сотруднице журнала «Русский вестник», где печатается роман, советует ей взять для чтения в деревню «Историю Консульства и Империи» Луи-Адольфа Тьера. Достоевский при этом замечает: если вы прочтете 50 таких трудов, то у вас появится возможность заниматься искусством всерьез. Здесь надо пояснить, что упомянутая история Тьера – это сочинение в 20-ти томах, грандиоз-

ный труд. Такое вот чтение он предлагает для юной девушки. Он не шутил, так как и сам все это читал: и многотомную «Историю России с древнейших времен» Соловьева, и того же Карамзина в 12-ти томах. Так что, когда мы говорим о величии Достоевского, важно понимать масштаб фундамента, на котором это величие основано.

Достоевский особенно любил и ценил Карамзина, и его «Историю государства Российского» знал чуть ли не наизусть, не только основной текст, но и примечания, сопоставимые по объему с основным текстом. Пушкин называл Карамзина «последним летописцем» – об этом порой вспоминают почти пренебрежительно, мол, это «не вполне наука». Но если мы почитаем летописи, то поймем, что их писали люди не просто формально религиозные, а понимающие, что Бог является подлинным Субъектом истории. Когда Карамзин называет историю «священной книгой народов», это не риторика, а его твердое убеждение. Он и сам пишет историю, показывая, как в ней действует Бог. Есть такое заблуждение у прогрессистов, что история развивается, накапливая новые знания, но мне все больше кажется при взгляде на многие современные исторические труды, что история, скорее, деградирует. Примерно к началу XX века почти тотально отказались от авторских масштабных историй, учета духовного начала в истории и перешли к хаотичному набору микроисторий с глубоким креном в экономи-

ку. Для жизни такие труды оказываются не нужны, а важны они исключительно для узкого профессионального цеха.

Сегодня история зачастую уходит в мелочи повседневности – в разыскания о том, какие пуговицы были в моде, каким был объем производства товаров и прочее, при этом связь времен распадается, и ученые даже не пытаются понять, откуда и куда мы идем, не умеют сосредоточиться на главном. Я сейчас говорю не абстрактно – пытаюсь читать 6-томную «Всемирную историю», выпущенную в 2010-х годах Институтом всеобщей истории РАН, и она, по большей части, совершенно не предназначена для чтения. А перед этим я читал 18-томную «Всемирную историю» Шлоссера, которую очень любил Достоевский, – оторваться невозможно. Конечно, где-то Шлоссер ошибается, где-то он глубоко неправ. Но главное, что рядом с тобой мудрый рассказчик, и ты видишь, чувствуешь, как умный человек последовательно раскрывает перед тобой целые эпохи – в этом есть некое ощущение чуда, приобщения к тайне. Если говорить о XX веке, то на меня в свое время произвела большое впечатление биография Наполеона, написанная академиком Евгением Викторовичем Тарле. Это почти образцовая биография и пример того, как нужно отделять главное от неглавного. Конечно, есть немало и современных талантливых историков, но я говорю о господствующей тенденции. И конечно, про-

блема отказа от целостного взгляда сегодня не только в историографии – примерно то же происходит и в филологии, даже в медицине. Как у Достоевского в «Братьях Карамазовых» доктор говорит, что он только правую ноздрю может вылечить, а левых ноздрей не лечит, это не его специальность – «а поезжайте после меня в Вену, там вам особый специалист левую ноздрю долечит».

В монографии «Книги в книге» вы «отвечаете» за исторические тексты, которые фигурируют в романах Достоевского. Появление определенной книги у Достоевского всегда часть концепции или иногда оно может быть историческим фоном, признаком времени?

У Достоевского упоминается очень много книг, герои их читают, обсуждают, переводят, покупают, продают, дарят, пишут сами – упоминание любой книги в текстах писателя никогда не является случайным. И здесь возникает методологическая проблема: можем ли мы вообще говорить о том, что мы понимаем произведение, если не читали всех текстов, в нем упомянутых. Книга в книге – прием, исследованием которого мы зани-

маемся в нашем центре «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН последние несколько лет. Казалось бы, что в этом таком, все этим так или иначе занимаются, но на практике выясняется, что абсолютное большинство работ компаративного толка построено на сравнении почти случайных текстов – по каким-то неочевидным ассоциациям авторов статей и сомнительным основаниям. А те книги, которые непосредственно упомянуты в тексте самим писателем, часто остаются вне исследовательского внимания.

Я попытался ответить на вопрос, какую книгу читает Рогожин в «Идиоте»¹. Известно, что Настасья Филипповна советует ему прочесть сочинение историка Соловьева: «Ты бы образил себя хоть бы чем, хоть бы “Русскую историю” Соловьева прочел». В комментарии к роману в Полном собрании сочинений указывалось, что Рогожин читает многотомную «Историю России с древнейших времен». Но мне удалось выяснить, что у героя на столе лежала однотомная «Учебная книга русской истории» того же автора, впервые опубликованная в 1859–1860 годах и к моменту выхода «Идиота» выдержавшая несколько изданий. Это был такой краткий учебник истории, я его нашел, прочитал и даже **показал**, что именно могло заинтере-

¹ См. Подосокорский Н.Н. «Русская история» С.М. Соловьева в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 64–80.

совать в нем Рогожина, учитывая его интересы и взаимоотношения с другими героями. «Реестрик» книг, который составила для Рогожина Настасья Филипповна, должен раскрыть его внутренний потенциал, проявить его подлинную сущность, оживить его душу. Цель Настасьи Филипповны не в том, чтобы просто «образовать» одержимого ею Парфена, но в том, чтобы его «образить», то есть воссоздать его внутренний образ, преобразить его разрушительные страсти.

Понятно, упоминание книги всегда работает на целое текста. А с упоминанием исторических событий у Достоевского то же самое?

Да, даже если это упоминание дается в виде исторической ошибки. «Непоправляемая ошибка героя» – еще один термин Татьяны Касаткиной и очень важный для Достоевского прием. Иногда такая ошибка выдает ненадлежащие знания у героя, а иногда за ней стоит намного больше. Я не раз писал о таких «непоправляемых ошибках» героев Достоевского, которые при внимательном чтении и знании исторического контекста никак нельзя счесть обычными фактически ошибками.

В этом смысле интересен один сюжет из «Преступления и наказания», который долгое время оставался без должного комментария. Это перечисление Раскольниковым клю-

чевых событий биографии Наполеона: «Что, если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан». Я при очередном перечитывании романа внезапно споткнулся об этот «переход через Монблан», поскольку известно, что Бонапарт переходил Альпы через перевал Большой Сен-Бернар. В действительности Монблан и Большой Сен-Бернар находятся относительно близко друг от друга, но при этом они относятся к разным зонам Альп. И, разумеется, ни через какой Монблан Наполеон никогда не переходил, а значит здесь мы имеем дело с ошибкой Раскольниковова, остававшейся незамеченной всеми предыдущими комментаторами. Казалось бы, странно, что Раскольников называет в числе главных событий жизни своего кумира несуществующую веху его биографии. Если поразмышлять над тем, что может стоять за этой ошибкой, то можно предположить, что здесь он избегает имени святого (святого Бернарда из Ментона), избегает упоминания места, где стоит знаменитый монастырь. Он как бы заменяет «святое» «высоким», и эта подмена последовательно происходит в романе. Об острове Святой Елены – последнем пристанище Наполеона поверженного, где создавалась наполеоновская легенда, герой тоже ни разу не упоминает. В итоге получается, что на словах Раскольников оправдывает свое преступление отсылками не к реальной,

а к выдуманной им истории, и это дополнительное указание на его главный промах.

Еще одна «непоправляемая ошибка» связана с героем «Братьев Карамазовых», породившим понятие «смердяковщина» для обозначения особого сорта русофобии. Напомню, лакей Смердяков сетует на то, что Наполеон в 1812 году не поработил Россию – «умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе». Он при этом называет Наполеона I «отцом» Наполеона III. Во всех комментариях написано, что это ошибка героя, ведь известно, что Наполеон III не сын, а племянник Наполеона I. Но о чем здесь говорит Достоевский устами своего героя? Если мы углубимся в историю появления на свет Наполеона III, то узнаем много интересного. Он был сыном короля Голландии Людовика, младшего брата Наполеона, и Гортензии, падчерицы Наполеона, дочери Жозефины от первого брака. Фактически это был «брак по приказу», отношения у супругов были странные, и ходили упорные слухи, что отцом Наполеона III был сам Наполеон I. Даже если это просто недостойные сплетни, важно, что Наполеон I лично выбрал имя для своего племянника и, помимо прочего, стал его крестным отцом. В связи с историей самого Смердякова все эти факты особенно интересны, ведь он – непризнанный сын старика Карамазова, четвертый брат, определенный в лакеи. Напомню, как Федор Павлович пытался приучить Смердякова к чте-

нию. Заметив, что Смердяков заглядывается на книги, он дал ему сначала «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, но Смердяков заявил, что там «про неправду написано», потом учебник истории Смарагдова – это чтение Смердякову показалось «скучным». В «Истории» же Смарагдова Наполеон как раз осуждается, причем он там изображен нарочито нелепо, карикатурно, даже ругательно – «решительный памфлет», так назвал изложение истории Наполеона у Смарагдова Белинский. Возможно, именно отсюда началось «протестное» увлечение Смердякова фигурой Наполеона, как бы в пику «отцу».

В раннем рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» 1846 года упоминается некий «маленький человек», скопидом Семен Иванович. Это мелкий чиновник, снимающий за гроши угол, живущий впроголодь, после смерти которого в его тюфяке жильцы находят множество разных монет, включая наполеондор. В этом рассказе в адрес Прохарчина произносится фраза: «Наполеон вы, что ли, какой?» Очень странное, совершенно непонятное сравнение, которое обычно воспринимается читателями как проходное. Я тоже так считал, пока не наткнулся на интереснейший сюжет в биографии реального Наполеона, связанный с его двоюродным дядей и его крестным отцом Лючиано, архидиаконом Аяччо. После смерти отца Наполеона Лючиано на короткое время стал главой семьи Бонапарте на Корсике. Когда

этот строгий дядя умер, в его тюфяке нашли целое состояние. И оно буквально спасло семью Бонапарте, то есть ранняя корсиканская карьера Наполеона была реализована во многом на деньги из тюфяка его дядюшки.

Круг чтения Достоевского дает ответ на вопрос, знал ли он об этом факте? Или просто так срифмовалось?

Конечно, знал! Вообще в филологии, к сожалению, есть такое ущербное направление мысли – зачем-то представлять великих писателей менее знающими, чем они есть. Мы не нашли в письмах и мемуарах указание на конкретный источник – значит писатель о нем не знал. На самом деле все ровно наоборот, если учитывать тот колоссальный объем чтения Достоевского, о котором мы уже говорили. Наша задача – искать источники, сознавая при этом нашу собственную ограниченность, ибо, скажем, литература о Наполеоне поистине необозрима. Как полагают историки, о Бонапарте написано больше книг, чем о любом другом человеке, за исключением Иисуса Христа. Не знаю, правда это или нет, но уверен, что нет такого человека, кто прочитал бы все, что написано о Наполеоне. Сейчас я, к примеру, читаю 16-томные мемуары герцогини Абрантес, и нахожу немало пояснений к литературным произведениям, а до этого прочел 10-томные «Записки» Бурьенна, бывшего однокашника и некото-

рое время – секретаря Наполеона. Именно благодаря «Запискам» Бурьенна мне удалось установить источник происхождения фразы Наполеона, которую цитирует Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых»: «Les femmes tricotent» («дело женщины – вязанье»). Бурьенн описывает встречу Наполеона с сыном мадам де Сталь, которая была вынуждена эмигрировать из Франции. И этот сын просит у императора позволения для матери вернуться в Париж. Наполеон долго с ним беседует и в итоге ему отказывает, но среди прочего произносит эту самую фразу. Она потом вошла в разные сборники афоризмов великих людей XIX века, но первоисточником ее, видимо, был Бурьенн.

Интерес к Наполеону у Достоевского специальный или в тот момент невозможно было пройти мимо этой фигуры?

Достоевский жил в эпоху, которая вся проникнута наполеоновским мифом. Отец Достоевского как врач был участником войны 1812 года. И Мариинская больница для бедных в Москве, где он работал – место, где Достоевский мог встречать инвалидов 12 года, гуляя, например, в больничном саду. До периода Крымской войны память об войне 1812 года пронизывала все социальные и культурные отношения. А потом Достоевский уезжает учиться и жить в Петербург

и оказывается в совершенно «наполеоновском» городе. У меня есть статья «“Наполеоновский” Петербург», она про то, почему Раскольников так бредит Наполеоном¹. Да потому, что наполеоновский миф тогда присутствует почти везде: его бюсты продаются в мелочных лавках, в домах висят его портреты, в ресторанах подают вино «из погребца Наполеона» – рекламный ход, но тем не менее. Некоторое время Достоевский даже жил недалеко от гостиницы «Наполеон». Кстати, Исаакиевский собор строил ветеран наполеоновской армии Монферран, который в своем кабинете хранил бюстик Наполеона. Александровская колонна – это такой русский ответ на Вандомскую колонну в Париже, которую венчала фигура Бонапарта. Порфирий Петрович и вовсе говорит Раскольникову: «Кто же у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?»

Младший брат писателя Андрей Михайлович вспоминает, что Федор Михайлович читал еще в детстве либо романы, либо что-то серьезное, историческое. Например, Достоевские зачитывались романами Загоскина, один из которых – «Рославлев, или русские в 1812 году» – как раз посвящен наполеоновской эпохе. В сороковые годы До-

стоевский прочел пятитомную «Историю Наполеона» и многое из того, что печаталось в толстых литературных журналах, а там Наполеон упоминался многократно почти в каждом номере. Шансов пройти мимо Наполеона у него просто не было. Наполеон для него – сложная фигура, не просто человек, ставший тираном и самодуром, который «растратил полмиллиона людей в московском походе». Достоевскому в советское время часто приписывали ложные цели развенчания исторических деятелей вроде Наполеона, ссылаясь на некоторые вырванные из контекста высказывания его персонажей. Но можно, к примеру, сравнить присутствие Наполеона в «Преступлении и наказании» и в «Идиоте», написанном несколькими годами позднее. Что думает о Наполеоне Раскольников, всем известно, но это отнюдь не является взглядом автора. В «Идиоте» же о Наполеоне высказывается генерал Иволгин, и в его версии наполеоновской легенды уже появляется очеловеченный, спустившийся на землю завоеватель, который раскрывает свою страдающую душу перед десятилетним ребенком. Этот сентиментально-романтический рассказ позволяет увидеть человека не только в «маленьком человеке», но и в Напо-

¹См. Подосокорский Н.Н. «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135.

леоне тоже. Философ Григорий Соломонович Померанц однажды очень хорошо об этом сказал, сравнив отношение к Наполеону у Толстого и Достоевского: «у Толстого Наполеон опрощается почти что в лакея, у Достоевского лакей начинает мыслить и смотреть Наполеоном».

В 2025 году самой продаваемой книгой русской классической литературы стал роман «Преступление и наказание». Давайте поверим статистике «Читай-города» и попробуем объяснить сегодняшний запрос на Достоевского?

Поверим, но с оговорками. И фанатов, и хейтеров у Достоевского в избытке. Количество ненавидящих его не оскудевает – те, кто не принимают Достоевского, говорят, что он их вводит в состояние, в котором они не хотят находиться, показывает им вещи, на которые они не хотят смотреть, заставляет их чувствовать то, что они не хотят чувствовать.

Достоевский всегда говорит о самом главном – о человеке, о его отношениях с Богом, он показывает, как на самом деле устроен наш многомерный мир, как вещи мира говорят с нами. И делает это как блестящий стилист – в том смысле, что каждый герой у него говорит своим голосом и каждый рассказывает свою правду. В современной культуре его метод можно сравнить с мето-

дом Джорджа Мартина. В его цикле «Песни льда и огня» и в сериале «Игра престолов», который несколько отличается от книг, своя правда есть у каждого героя, и нет ничего окончательного в человеке, ни на кого нельзя повесить ярлык, сочтя, что «с ним все ясно». Какой-нибудь Джейме Ланнистер может убить ребенка или своего короля, которому он присягал на верность, а потом раз – и совершает подвиг, скачет с копьем наперевес на огнедышащего дракона или бросается на арену с разъяренным медведем, чтобы спасти женщину, над которой потешается озверевшая толпа. И ты уже смотришь на него совсем другими глазами. Это же метод Достоевского.

Вот почему нельзя Достоевского читать частями. Популярное медленное чтение, разбор по отдельным главам – все это ему противопоказано. Если прочитаем первую часть «Преступления и наказания», мы узнаем от Семена Мармеладова, что есть некий мерзкий господин Лебезятников, который Катерину Ивановну побил. Отвратительный, законченный мерзавец, если судить исключительно по первой части. Но вот мы читаем роман дальше, и оказывается, что вообще-то это она на него напала, а Лебезятников – тот самый человек, который спасает Соню в почти безвыходной ситуации, когда Лужин пытается обвинить ее в краже денег, которые сам же ей подсунил. И у нас полностью меняется представление о герое. Или возьмем

Раскольникова – убийцу двух или даже трех человек, если мы верим в гипотезу о беременности Лизаветы. Достоевский показывает, как герой погружается в ад при жизни, и как мучительно и медленно он из этого ада выходит, что становится возможным благодаря его бескорыстной помощи разным людям.

Ничто не предрешено – современная культура этой мысли отчаянно сопротивляется,

спешит на каждого навесить удобный и понятный ярлык, сказать «с ним все ясно», отменить, то есть в каком-то смысле подменить собой Божий суд. Христианство же говорит, что любой человек, какого бы предела греха он ни достиг, может измениться и спастись – пока он жив. О том же нам говорит Достоевский.

Для цитирования: Подосокорский, Н.Н., Максимова, Е.С. «Кто же у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т 11. № 1. С. 7–20. DOI 10.18522/2415-8852-2026-1-7-20

For citation: Podosokorsky, N.N., Maximova, E.S. (2026). “Who in Russia doesn’t consider themselves a Napoleon now?”. *Practice & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (1) 7–20. DOI 10.18522/2415-8852-2026-1-7-20

Nikolai Podosokorsky is a literary critic, cultural historian, senior researcher at the F.M. Dostoevsky and World Culture Research Center of the IMLI RAS, Deputy editor-in-chief of the “Dostoevsky and World Culture journal. Philological journal” IMLI RAS.

In this issue of P&I, Nikolai Podosokorsky talks about the ailment of modern historiography, the mattress of the Bonaparte family and Dostoevsky’s hero Jaime Lannister. Interview by Ekaterina Maximova.

